

Даниил Божин

Тень Башни

#

Посвящается Ей. В ещё большей степени, чем всегда.

#

Вам никогда меня не понять, никогда. Вы не знаете, каково это, лежать до рассвета на холодном цементе и смотреть на единственную звезду, крохотную звёздочку, которую чудом видно в маленьком оконце.

Вы не валялись на холодном асфальте, судорожно пытаетесь избавиться от остатков ужина. Вас не били ногами безликие полицейские с чёрными глазами, полными крови. Вы когда-нибудь угоняли машину? Воровали продукты из магазина? На вас спускали собак фермеры, готовые убить за сельдерей или картошку или капусту или другую гнилостную хрень, которую они выращивают?

Как часто вы просыпаетесь на рассвете и идёте в ванну, чтобы встать на колени перед унитазом, словно язычник перед идолом? Пару раз было-то? О, помните те ни с чем не сравнимые минуты, когда рот наполняется слюной и кислой желчью, в животе мутит, а рвота всё не идёт. Она издевается над вами, клокочет в желудке, будто смеётся. Вы засовываете руку в рот, глубоко, по кисть, проникая двумя пальцами в горло, не обращая внимания на слюну, стекающую по руке на пол. Желудок рефлекторно сжимается, поток слизи, не разложившейся пищи, бьёт фонтаном, попадая в унитаз лишь частично. Опираясь рукой, вы склоняетесь над сантехникой фирмы «Кайлс» или, быть может, «Рольстен» (сантехника «Рольстен» – незаменима, необходима, доступна!), содрогаясь в рефлекторных конвульсиях стремящегося избавиться от отравы организма. Новые порции выплёскиваются из нутра, снова и снова сжимается желудок, даже когда уже ничего не сочится кроме слюны. Горький вкус желчи заполнят рот, на глазах выступают слёзы. Эти слёзы не стоят гроша в нашем мире дна, но они, проклятые суки, лезут снова и снова.

Когда проходит вечность, вы находите в себе силы и подымаетесь. Включаете холодную воду, полощете рот, подставляете под струю голову. Стоите, согнувшись под холодной водой, пока голову не пронзает боль. Тогда вы аккуратно закрываете кран, внося неоценимый вклад в экономию питьевой воды, насухо вытираетесь жёстким полотенцем, идёте на кухню и достаёте припрятанную на чёрный день бутылку виски «Блэк Джек». Вот он ваш чёрный день – наступает с восходом.

Вы же понимаете меня, да? Хоть чуть-чуть? Вы же испытывали это, все вы?
Я очень надеюсь на это.

Если вы из тех типчиков, чьи жёны гладят галстуки, если у вас длинные плащи, белые рубашки и дочь, за чью судьбу вы беспокоитесь, если у вас утром горячие тосты, кофе и свежая газета, если бедный паренёк из соседнего квартала стриждёт вам газон, если вы трахаетесь три раза в неделю, если вы знаете, что такое «Fogex», если вы любите Джоржа-грёбанного-Буша, если вашу собаку зовут Снупи, то катитесь к чёрту, вам никогда меня не понять.

И никогда не увидит Её.

Не постичь Её слепящей серовато-чёрной красоты в кровавом ореоле роз.

Выключите ваши радиоприёмники, все вы, низкие люди, богатые люди, ослепшие люди, падшие люди. Выключите скорее, ну же! Я подожду. У меня, знаете ли, достаточно времени, могу и подождать. Взрывайте ретрансляторы, снесите спутники – Импульс будет идти, пока вы не сойдёте с ума. Так что послушайте моего совета – выключайте. Я хочу поговорить с тем парнишкой из соседнего квартала. Да-да с тобой парень. Пока ты ещё молод, пока девственен не только телом, но и мозгом. Потолкуем о том о сём.

Помнишь девушку, которая дала тебе потрогать грудь? Мягкая, упругая, гладкая белая кожа, на которой выделяется сосок, окаймлённый коричневой кожицей. Тебя захлёстывают невероятные чувства, ты весь дрожишь, язык прилипает к нёбу. Тянешься к ней телом, всем естеством, а девочка уклоняется, смеётся и убегает. Ты бежишь за ней, быстро как только можешь, но она бежит ещё быстрее. Словно призрак скользит над землёй, ступни мелькают в воздухе, а она смеётся и лунный свет дрожит от её голоса. Если ты догонишь её, она станет твоей. В эту ночь она отдастся тебе до самого конца, до глубин подсознания, где каждая девушка всего лишь маленький ребёнок, который любит сидеть на коленях у папы и смотреть в разноцветные стёклышки. Вы будете лежать на холодном песке и двигаться в ритме звёзд, пока рассветные лучи не разгонят морок возбуждения.

Почему она не остановилась? Потому что ка – это зверь, который гонит жертву до самого конца. И та девушка бежала ещё очень долго, всю жизнь, пока посреди пустыни под другими звёздами не отдалась другому.

Ты упал и лежал бы целую вечность, но утром назойливые туристы потревожили тебя. «Мистер, вам нужна помощь?» – спросили они. «Да, – ответил ты, – верните мне детство».

Когда мы дети, мы всегда впереди, не так ли?

В ту ночь в тебе умер ребёнок, о чём ты никогда не будешь сожалеть.

Разве что во снах.

Вот так мы прощаемся с детством – через познание и секс. Только секс может уничтожить волшебную страну, в которой всё возможно, всё правильно, всё необходимо. Только секс превращает нас во взрослых. Секс – это двери, пройдя которые ты выкидываешь ключ и не оглядываешься. Всего-то дотронулся до груди девушки, но этим жестом ты сокрушил миллиарды миров, в которых жила Зубная Фея и Волшебный гном. Поглаживая сосок, ты вгонял последние гвозди в гроб Санта-Клауса. Сжимая упругую плоть, четвертовал Песочного

Человека. Смотря, всего-то смотря, ты посылаешь тысячи ужасающих смертей Буке и Пасхальному Кролику, Ведьме в пряничном домике и Белой Колдунье, что живёт в стране вековой Зимы.

Она не остановилась, но для тебя ничего не изменится. Ты лишишься девственности с другой, на старой мотоциклетной куртке, которую заботливо подстелешь на заднее сиденье раздолбанной тачки. Твоя подруга будет молчать до самого конца, а радио будет играть «Радиоход» и только их, получасовая кассета, которая закончится оргазмом в грязной раздолбленной тачке и она скажет, тогда она скажет ту фразу, сокровенную, сакраментальную: «Полные крови».

Ты спросишь её, что это значит, но она не ответит. Она пройдёт через ад и умрёт очень скоро, кошмарной смертью, ниспошленную ей за болтливость. Она будет кричать до самого конца, пока бетон не зальётся в горло, но рабочие не увидят её. Помешивая цемент лопатой, они будут задевать череп и удивляться, откуда же там взялась металлическая свая. Рабочие не увидят, даже если она вылезет из бетонной могилы и встанет перед ними обнажённой. Ведь зубную фею они тоже не видят, хотя она каждую ночь прилетает в надежде найти подарочек у ночника.

Можешь мне поверить, я то знаю.

Только через пять лет, пробив ограждение федеральной автомагистрали E-97 (Канзас-Топика) на скорости более девяносто миль в час, пролетев пятьдесят фунтов и врезавшись в гудроновое покрытие строящейся автострады E-98 (Топика-Канзас), ты узнаешь, что она говорила про бутоны роз.

Бутоны полные крови.

Бутоны, почерневшие от Тени, сочащиеся кровью миров.

#

4:02.

14 октября 2005 года.

До рассвета не так уж и далеко, сможете дотерпеть.

Вы ещё слушаете меня? Нет не федералы, которые записывают каждое моё слово. Мне не нужны и уфологии, и гребанутые священники, кстати, тоже. И шофёры-дальнобойщики могут ловить станцию получше.

Мне нужны молодые парни и девушки, которые слушают частоту 101,19 в эту самую чёрную из всех ночей. Мне нужны студенты, собирающие радиостанции на дому, школьники, проснувшиеся от неведомого кошмара и случайно включившие радиоприёмники, безумно уставшие от любви и ненависти юноши, которые смотрят на звёзды и слушают рок, пока соседи не начинают стучать в тонкие стены. Все вы мне нужны, девчонки, ребята, очень нужны, потому что я не надеюсь, что меня слушают дети и собаки, хотя только они в принципе могут Верить. Приходится рассчитывать на вас и молить бога, не так

ли? Вы подвергнетесь воздействию Импульса и завтра станете совсем другими, очень на это надеюсь. Если не вы, то кто?

Не дети, это уж точно. Потому что у них отобрали детство и подсунули гнусный суррогат из дешёвых клоунов и пластиковых бездушных игрушек. И не собаки, понятное дело, хотя один сказочник мне говорил, что на другой стороне луны есть королевство собак и каждую безлунную ночь они прыгают с Луны на Землю и помогают путникам на пути луча. Но кто же нынче верит сказочникам и историкам, а? Последний сказочник, которого я встретил на своём пути, умер с заточкой в горле за мухлёрж в покере. У него вместо крови из горла хлестал ром, а какой-то парень, кажется, его звали Генри, захохотал и бросил спичку. Сказочник вспыхнул, вскочил и пьяно поплёрся к двери, но сделав два шага замертво упал. И вот что я вам скажу, друзья мои, даже когда его тело выбрасывали в сточную канаву за таверной, оно продолжало дышать. Я сказал об этом Гансу, хозяину таверны, на что он пожал плечами, сплюнул махорку и ответил, что это сокращаются мышцы как бывает иногда у трупов. Но я могу поклясться, что он дышал, я слышал хриплые вдохи и выдохи. Не верю я сказочникам. Они... какие-то... потусторонние, что ли?

Так что остались у меня только вы, и вам придётся слушать очень внимательно, потому что Тень становится всё длиннее и скоро она доберётся до меня, обязательно доберётся. А потом и до вас.

Слушайте мою историю, слушайте, молю вас.

Та девушка, которая лежала на мотоциклетной куртке и прощалась с детством под музыку «Радиохед» смогла обмануть злую ка. Она стала выше судьбы, сильнее судьбы, не раз пройдя через тонкую грань невозможного, но она не знала, что ка – это не только судьба. Ка – триптих, в котором есть кхеф и катет. И когда она стала выше ка, выше судьбы, то лишилась кхефа и потеряла катет. Вы не понимаете, ну конечно же вы не понимаете, тогда слушайте, внимательно слушайте.

Её звали Джейн и она всегда была успешной и сознательной, никак не связывая между собой эти характеристики. Успех казался ей проведением судьбы, вмешательством высших сил, предопределяющих жизненный путь человека. Сознательность она записывала полностью на свой счёт, сознательность, из которой вырастали практичность, целеустремлённость, прагматичность и прочие качества, жизненно необходимые современной девушке. Джейн считала, что сама себя создала, воспитала и вырастила. Родителей Джейн не выбирала, значит они волей не волей попадали под юрисдикцию успешности. Такая вот помощь Будды, Аллаха или младенца Иисуса, коему была не безынтересна красивая девушка в самом начале карьеры. О, Джейн могла родиться в семье алкоголиков, душевнобольных или просто нищих, но ведь стала долгожданным ребёнком в семье бизнесменов. Давайте же возблагодарим Господа. Восславим Господа!

Не стоит удивляться, что беременность Джейн отнесла на счёт утерянной успешности. Кто-то из Великих забыл о своей подопечной, в результате чего

девушка и залетела. Джейн и представить себе не могла, что это маленькая досадная оплошность станет началом конца.

Беременность...беременность... Джейн задует свечу на свой седьмой день рождения. Джейн катается на качелях. Джейн стоит перед памятником «Всем детям мира» – на лице её скорбь и печаль. Джейн в команде поддержки. Джейн со своим бойфрендом. Джейн поступает в колледж. Джейн смеется, улыбается, сердится, есть мороженное, плавает на яхте, сидит на ступеньках и пьёт пиво. Джейн беременна.... Где же ты, младенец Иисус?

Не думайте, что для неё это стало какой-то проблемой. Досадной ошибкой, быть может, но уж никак не проблемой. Не для такой сознательной девушки. Нужны были только деньги на качественный аборт. За деньгами она, как и всегда, обратилась к родителям. На этот раз какое-то чувство (или ка) подтолкнуло мать, не особо интересовавшейся делами дочери, поинтересоваться, зачем нужны деньги. Джейн ответила честно, не находя в этом ничего предосудительного. А младенца Иисуса (как впрочем Будды и прочих) всё не было.

Это было ужасно. Вам не понять, уж простите, вы, наверное, никогда не были девушкой в семье богатых афроамериканцев, которые искренне уверены, что их дочь ангел, воплотившийся на земле.

«Ты грязная маленькая сучка, что ты наделала!» – кричала ей мать.

«Мне кажется, она всё сможет объяснить», – говорил отец.

Она убежала из дома. Родители быстро остыли и решили вернуть её, но девушка отказалась жить с ними под одной крышей – слова матери навсегда отпечатались в душе. Только тогда она поняла цену успешности и сознательности, готовых рухнуть под натиском нескольких слов, простых слов, которые становятся квинтэссенцией не любви, антилюбви, холодным безвоздушным космосом. Расплачиваться приходится душой.

Джейн, как это принято говорить в подобных случаях, покатила по наклонной. Она полностью сменила среду обитания, ища людей, которые бы общались с ней не из-за её денег или положения в обществе, а просто так, по кайфу. Она влилась в настоящую молодёжную тусовку, где вселенная состояла из секса, травы, концертов, вечеринок, секса, выпивки, сессий и секса. Только тогда, трахаясь на нестиранном годами постельном белье заброшенных студенческих кампусах в загнивающих маленьких городках Канзаса, Техаса, Невады, она ощущала себя по настоящему свободной, очищенной от метки, которую оставила мать. Родители продолжали давать дочери деньги, которых стало требоваться гораздо больше, с тех пор как Джейн подседела на героин.

Девушка очень быстро перешла ту грань за которой кончается свобода и начинается хаос, и её маленькое детство, сидящее на коленях у папы в глубинах подсознания, могло лишь с грустью наблюдать за дальнейшим крушением. Она меняла компании, не замечая лиц, романтика студенческой жизни перестала её вдохновлять, всё чаще девушка ощущала себя просто «маленькой грязной сучкой», которую никто не любил, но чьими услугами все охотно пользовались. Она пошла дальше, в среду подполья, где космос формировали наркотики,

подвальный секс и смерть. Её вышибли из университета и тогда родители по настоящему спохватились. Но было уже слишком поздно. Джейн сдала собственную съёмную квартиру под притон и исчезла. Частные детективы нашли её среди проституток Бронкса, до которого она добиралась на попутках, расплачиваясь с водителями минетом. Родители отказались от неё, и это стало последней каплей в графине яда. Девушка окончила свой полёт и достигла дна.

Её дно было маленькое и немного даже романтичное. Гнездо, собранное из картонных коробок, помещалось в маленьком тупичке, куда выставляли мусор из китайского ресторана. Здесь Джейн находила еду. На наркотики она зарабатывала проституцией, при этом славясь среди последних отбросов «благородной особой» – делала только минет. Пару раз её насиловали, как и любую другую девушку дна, один раз анально, но в целом она смогла сохранить чистоту. Единственным настоящим врагом Джейн был героин и с каждым днём он приближался к победе. Однажды ей не удалось заработать даже на метадон. Физическая боль грозила смертью, и Джейн отправилась в последнее место, где могла попросить помощи – на Гарден-стрит 12, в шестиэтажное заброшенное общежитие, о котором знали лишь спившиеся рок-музыканты, выброшенные на помойку порно-звёзды минувшего и наркоманы. Больше – никто, ибо никто из добропорядочных жителей Нью-Йорка не мог видеть шестиэтажное здание, даже проходя под его окнами. Оно отличалось от других, было *скрытым, незаметным и пряталось* от посторонних, но никто не знал этого, да никто, собственно, и не хотел знать. Наркотам плевать, что здание не отбрасывает тени. Им безразличны бесконечные подвальные коридоры, они плывут в коридорах собственно сознания. Спившиеся, никому не нужные проститутки не обращают внимания на то, что здание каждый новый день стоит не там, где вчера. Иногда оно вообще куда-то уходило вместе со своими жильцами. И те люди, что были внутри, что бы они могли увидеть, если бы взглянули в окна, когда здание находилось за пределами Нью-Йорка и странствовало. Что?

Когда-то очень давно, когда здание ещё было обычным, принадлежало муниципалитету и было домом для людей вполне приличных и законопослушных, подвалы его служили приютом для странных людей в чёрных одеждах, которые слушали громкую музыку и курили анашу, и рисовали на стенах непонятные знаки, и похищали животных, а иногда и людей. Однажды они все разом пропали в здании. Из запертой изнутри комнаты, служившей местом тайных ритуалов, доносились странные звуки, и парню по имени Джон Грейл они жутко не нравились. Джон всего-то бездомный, которого местные не гнали за добрый нрав и умение вызывать чудесные звуки из старой гитары, много дней и ночей стоял перед искушением вызвать полицию, но каждый раз сдерживал себя. Полицию он не любил чуть меньше чем людей в чёрных костюмах. Но когда завывания из глубин подвала сменились чавканьем и, да, спаси и сохрани нас господи, приглушёнными криками, Джон пошёл на поводу у совести и позвонил копам.

Дверь взломали быстро. За ней – только признаки людского присутствия.

Дымящая сигарета.

Раскрытая книга.

Наполовину пустой шприц.

Белая собака с перерезанным горлом.

И только одна странность, если вы позволите так сказать, после всего вышеперечисленного – стена. Дальняя глухая стена подвала. Старый потрескавшийся кирпич, которым выложены все заброшенные городские коммуникации, уходящие глубоко под землю. Капли крови стекали по кирпичу. А из щелей торчали наручные часы и пряжка от ремня, металлическая скоба на челюсть и перстень со странной надписью «Shab! Shab! Shabniggurat!», ручка с гелиевой пастой и, вот уж странность, авиабилет «Американэкспресс».

Стену разобрали.

И ничего не нашли.

Собирать кирпичи не стали, но когда домовладелец несколько дней спустя заглянул в подвал, он с удивлением обнаружил дальнюю стену целой. Через несколько дней домовладелец исчез. Спустя неделю пропали три семьи на втором, четвёртом и пятых этажах. Их искали, но не нашли. Никаких следов.

Только иногда окурки торчали из стен.

Соска трёхмесячной малышки.

Грязный заскорузлый ноготь.

Через месяц дом опустел и был признан аварийным, подлежащим сносу. Но строители не приехали разбирать бесконечные кирпичные коридоры и выкорчевывать прогнившие сваи. О доме забыли все, кроме самых опустившихся, бездомных, безмозглых созданий. Они приползали, селились там и жили годами, пока кто-нибудь из них не исчезал. Но мало ли исчезают бездомные? Да и кому до этого дело...

Кто-то, может стать очередной клиент в знак благодарности, рассказал ей об это месте. Она доползла до подвала, умирая от ломки, забилась в дальний угол и уснула. Что было дальше – не помнила. Очнулась в штате Пенсильвания, бредя по дороге в полубессознательном состоянии. Её подобрал какой-то хиппи, колесивший по стране в проржавевшем джипе, позволил накуриться «конопляного молока» до беспамятства и оставил на время у себя, пользуясь услугами, которыми девушка овладела в совершенстве. Её падение остановилось, но начался бреющий полёт от одного владельца к другому. Тот первый парень, весёлый хиппи, оставил в подарок адрес человека, который взялся бы помочь девушке, но смутные дни её рассудка не позволяли находиться в сознании достаточно долго, чтобы отважиться попросить помощи.

Она умирала с наркотиками, умирала без наркотиков. Умирала под дождём, умирала в чьей-то постели, когда её второй раз в жизни насиловали анально. Собраться с силами для последнего рывка, будь то самоубийство или подъём наверх, не могла, пока вновь не встретила парня, от которого забеременела и чьего ребёнка всё же убила.

Она шла по улице, с трудом соображая где находится. Стоял июнь, начало лета, чудесная пора, но для девушки столь же безразличен был бы и февраль месяц вокруг.

Заметила его совершенно случайно. Слева шла молодая мамаша, катя перед собой коляску с ребёнком, справа катил подросток на скейте, а прямо перед ней вышел он, повзрослевший, в строгом деловом костюме и с брифкейсом. Он прошёл бы мимо неё даже не заметив, его глаза, упрятанные под линзы дорогих золотистых очков, посмотрели бы сквозь неё, если бы она не схватила его за руку. Тень раздражения пробежала по красивому лицу – и только.

«Это я, Джейн», – попыталась сказать девушка, но вместо слов изо рта вырвалось какое-то карканье.

Он отдёргнул руку, отступил и отвернулся с твёрдым намерением продолжить путь дальше, в сверкающий космос дорогих машин, фуршетов, деловых встреч и дорогого колумбийского кокаина.

«Это я, Джейн!» – выкрикнула она, собрав все силы.

«Джейн?» – переспросил он и от изумления (а может и не понимания, кто помнит всех этих красивых девушек, с которыми трахаешься на заднем сиденье автомобиля?) его лицо стало совсем детским, невинным.

Она не смогла ответить. Отвечать и не надо было. Душевная красота ещё не полностью покинула её, и что-то, спрятанное за старой, поношенной, но довольно опрятной одеждой, под давно нематым телом, всё ещё было той девушкой на заднем сиденье автомобиля, лишаящей девственности симпатичного однокурсника, находящейся на пике оргазма в совершенно другом месте, где-то посреди гигантского непостижимого поля багряных роз.

«На, держи», – сказал он и протянул стодолларовую купюру.

Она не хотела брать деньги. В этот момент она как никогда раньше ощущала себя «грязной маленькой сучкой». Она не хотела брать деньги за свой первый любовный опыт, за то чистое и невинное, что в ней ещё оставалось. Сердцем и умом не желала этой купюры. Но рука сама протянулась, сама схватила и запихала в карман.

«Извини», – сказал он самое дурацкое слово, которое только может сказать мужчина и исчез в толпе. Лишь отойдя на квартал, вспомнил вопрос, терзавший его по ночам. Он обернулся и побежал назад, но было уже слишком поздно, а в голове стучал молот двух слов. Страшный гул непонимания: «полные крови... полные крови... полные крови...»

Он не знал, что на его вопрос, она бы не смогла ответить.

Джейн начала плакать. Даже не думала, что сил ещё хватит на слёзы. Сейчас ей хотелось только одного: уйти подальше от людей, взять бритву и перерезать вены. А потом смотреть как кровь стекает на банкноту, заливая её, очищает. Девушка полезла в карман, чтобы взглянуть на лицо американского президента, которое собиралась залить кровью, но вместо привычной купюры вытащила странную бумажку розового цвета. От неожиданности выронила её – на

землю упала обычная стодолларовая купюра. Подобрала – розовая, с непонятными закорючками.

«Кажется, я схожу сума», – подумала девушка и оглянулась, будто уверенная, что окружающий материальный мир восстановит душевное равновесие.

Вместо Нью-Йорка она увидела зелёную холмистую равнину и яркое солнце над ней. Но разум Джейн пошатнулся вовсе не оттого: в долине стояла дюжина самых обычных Нью-Йоркских небоскрёбов. Прямо посреди лужаек, журчащих ручьёв и раскидистых ив.

Джейн упала на колени и сквозь слёзы смотрела на то, что могло быть наркоманской галлюцинацией, если бы не было так прекрасно. Прекрасно? Великолепно! Восхитительно!

Она плакала от счастья и наверное первый раз в жизни искренне. Душу раздирала невыносимая печаль, но даже печаль в этом месте казалась красивой.

Она смотрела на мир совершенно по-другому, так, как смотрела лишь в детстве, с восторгом и восхищением.... Пока могильный холод не коснулся спины.

Джейн обернулась и увидела Тень, что тянулась от самого горизонта и покрывала землю на сколько хватало глаз. Тень прикоснулась к ноге девушки и потянула на себя, неумолимо и яростно. Девушка вскрикнула, упала, провалилась в тень. Она полетела по длинному кирпичному тоннелю, в конце которого брезжил неяркий свет.

И свет этот был голодным.

Но прежде чем она достигла его, чтобы окончательно лишиться рассудка, спасительная пелена небытия накрыла мозг.

#

Она очнулась в больнице, где долго и красочно рассказывала врачам и полиции про волшебную страну лужаек и небоскрёбов. Она совсем не помнила как оказалось на взлётно-посадочной полосе аэропорта «Джорджа Вашингтона». ФБР определили её в психиатрическую лечебницу и ничем больше помочь не смогли.

С некоторых пор Джейн стала бояться теней.

Она жила в комнате, где круглосуточно горели неоновые лампы, и наотрез отказывалась выходить во внешний мир. Ей почему-то казалось, что она может провалиться в собственную тень. Или тени сами набросятся на неё.

Врачи, эти специалисты по мозгам, делали всё возможное, чтобы вылечить Джейн, но были бессильны против прогрессирующего психоза. Джейн не сдавалась, она была достаточно умной девушкой, а медикаментозное лечение восстановило её силы. Она принялась писать книгу о своих приключениях и рассылать низкопробные фантастичные статьи в бульварные гезетёнки.

Она исчезла на следующий день, после того как её посетил священник. Станный священник, он был одет в чёрный балахон с капюшоном и обут в кожаные ботинки. У него было разрешение на встречу. Его пропустили.

А на следующий день она исчезла.

Никто не знал как она это сделала и уж тем более зачем. Осталось загадкой и то, почему она запихала в стену листик из своей книги.

#

Я познал многое, но далеко не всё. Не знаю, о чём с ней говорил священник, не знаю, где она оказалось, после того как исчезла. Мне показали лишь самый конец, когда она стояла в каменном мешке, а рабочие сверху шутили, курили и спорили о какой-то Жаннет, у которой, чёрт возьми, самая глубокая глотка на свете или нет. И первый из рабочих швырнул цемент ей на лицо, а она кричала, о боже мой, как же она кричала...

Вы представляете себе крик заживо погребаемого человека, представляете?!

Она прыгала, кричала, скользила и пыталась выбраться из ямы.

Снова, разом за разом, сдирая ногти вместе с мясом, оставляя на уже застывшем бетоне кровавые полосы, она рвалась к свету и жизни, которую так невыносимо любила. Искалеченные пальцы, сквозь содранное мясо которых стали проглядывать белеющие кости, пытались найти хоть какую-то трещинку, уцепиться, подтянуться. Пару раз ей это удавалось – она зацеплялась, но стоило девушке чуть пошевелиться, как бил фонтанчик крови, разрывалась плоть, хрустела кость. Её пальчики хрустели как тоненькие ветки в лесу, по которому идут неосторожные бойскауты.

Но всё было тщетно.

Мои губы шептали: «я люблю тебя господисделайтакчтобыонавыбралась я люблю тебя...».

А второй рабочий бросил недокуренную сигарету на голову Джейн и сказал, что Бетти может заглотнуть сразу два и ещё банан.

«я люблю тебя люблю тебя люблю тебя»

Люблю тебя!

Бог ничего не сделал.

Бог умер.

Они кидали бетон, не торопясь, но и не тратя времени даром.

Я сорвал голос, смотря как она умирает, но всё шептал и шептал...

И она кричала до самого конца.

Вы же никогда не умирали, не так ли?

#

6:07.

Мне осталось совсем немного.

Рассказать свою историю, пока Тень не накрыла всех нас.

Рассказать про того паренька, что вырос в нищем городке, но смог заработать своим умом. Он стал достаточно богат, чтобы спрятать свою голодную звериную сущность под деловым костюмом и ценными бумагами, и красавицей женой, и утренней газетой, и чашкой горячего кофе.

Успешный – это о нём.

Счастливый – это он.

Достигшей американской мечты – вы правы, это действительно он.

Но вот молодой человек подбирает с земли странную розовую бумажку и на секунду мир темнеет, будто тень ложится на солнце. Он смотрит на небо и видит белые кучевые облачка, яркое солнце, белую полосу от реактивного самолёта, за штурвалом которого сидит пилот, больной раком. Счастливчик вздрагивает. Он понятия не имеет, почему решил, что пилот болен раком. Глупость какая, думает он, бессознательно кладёт купюру в карман и отправляется на биржу, где ему в тот день фантастически везёт.

«Дорогая, – говорит он тем же вечером, заходя в уютную Нью-Йоркскую квартиру, которую привык называть домом, – дорогая я пришёл». Проходит не разуваясь в гостиную, кидает брифкейс и с наслаждением стягивает галстук.

«Дорогая, – говорит он, расстегивая рубашку, – ты не поверишь какой у меня сегодня день!»

Он идёт на кухню, мимо безжизненных искусственных цветов, которые так удачно сочетаются с пуфиками, проходит панорамное окно, с которого открывается фантастический вид на стену соседнего дома, поворачивает в безукоризненный коридор, украшенный репродукциями Мане, доходит до холодильника, приткнувшегося в уголок отполированной кухни, достаёт свежавыжатый апельсиновый сок с кубиками льда, пьёт залпом (на мгновение представляя горьковатый вкус пива, но эта горечь идёт от косточек, а не из его подсознания) и говорит: «Дорогая, что у нас на ужин?»

Расстёгивает рубашку, возвращается тем же путём в гостиную, занавешивает шторы, превращая потенциального вуайериста в потенциального сексуального маньяка, стягивает брюки, открывает шкаф и достаёт простые хлопчатобумажные майку и шорты. И только тогда замечает, что в доме не раздаётся ни единого звука, кроме капанья воды.

«Дорогая?» – спрашивает он.

Кап – доносится из ванны.

Кап.

Он идёт, с трудом пробираясь сквозь сгустившийся воздух и плотную тишину.

Идёт, аккуратно (и абсолютно бесшумно) ступая по ковру в белых носках.

Он в коридоре.

Кап.

Дверь в ванную комнату в конце коридора. Под дверью – полоска света.

«Любимая?»

Ему совсем не хочется идти до конца коридора и открывать дверь, нет увольте.

Но идёт. Должен же он куда-то идти.

Кап.

Перед дверью Счастливчик в нерешительности замирает. Хочет постучать, но не может. Что же он тогда за «счастливчик», если стучит к собственной жене? Тихонько поворачивает ручку. Толкает дверь. Заглядывает. И видит стерильную ухоженную и абсолютно пустую ванну. Никакой жидкости.

Кап.

Откуда этот мерзкий звук?

Он не знает и не хочет знать. Но есть ещё одно место, куда ему обязательно стоит заглянуть.

Спальня.

До неё недалеко, пару шагов. Эту дверь он открывает куда уверенней и замирает на пороге, потому что здесь уж жидкости хватает.

Да её через край!

Стены, пол, потолок – всё в крови его «дорогой», его «любимой», его жены, а сама она лежит частично на кровати, частично на полу и ещё одна часть...

На это он уже не в силах смотреть. Пытается закричать, но вместо крика вырывается рвота, так и тогда, когда он был ничем, грязью. Круг замыкается и снова он там, где начинал. А на кровати, помимо его жены, находится ещё один человек, вполне живой, судя по его довольной улыбке. Он лежит на простыне пропитанной кровью и небрежно наматывает пряди волос жены Счастливчика себе на пальцы, он улыбается, его костюм безупречен, проборы в седых волосах идеальны.

«Роберт, – говорит он приятным бархатистым голосом, – вы сегодня забрали одну вещь, – которая принадлежит не вам».

Роберт не слышит. Он вырывается из комнаты и бежит к выходу.

Распахивает дверь и шагает вниз.

Первое, что чувствует – тёплая струйка мочи, стекающая по ноге. Затем нервы доносят до мозга информацию, что стоит он, увязнув по щиколотку в горячем песке.

Мозг отказывался принимать зрительную информацию, не в силах переработать всё увиденное. Единственное, что он понимает: вокруг песок и очень жарко. Пустыня.

Роберт шатается и падает на землю, а тело его, освещённое зелёным солнцем, отбрасывает коричневую тень. Тень встрепыхается и уползает. Роберт встаёт на четвереньки и видит, что песок под ним синий.

Жуткий вопль пронзает череп, заставляет глаза вибрировать. Его собственный вопль. Роберт плачет и радуется слезам как бездетная мать приёмным детям – мутная пелена ограждает мозг от испепеляющего знания. Но не закрывает полностью, позволяя видеть как зелёное солнце (если это солнце) кидается и обжигает красное небо.

«Мне бы хотелось получить эту вещь», – говорит голос у него за спиной.

Роберт ползёт, распахивая во все стороны клейкий синий песок. Ползёт не к двери, а в сторону горизонта, подальше от ужасающего голоса, который, тем не менее, кажется таким бархатистым, таким притягательным, таким....

Кап.

Что же это, чёрт возьми, капает?!

«Обернись, – восклицает голос, – обернись и ты увидишь!»

Он не хочет оборачиваться. Часть его, лучшая часть, видит перед собой лишь одинокую звезду на пустом небосводе.

«Куда же ты направишься, Роберт?» – голос умудряется казаться и весёлым и рассерженным одновременно.

«Но он не приближается, – понимает Роберт, – он не может следовать за мной».

Кап.

«Обернись, Роберт! Обернись, иначе это будет преследовать тебя до конца жизни. Обернись, узнай, не оставляй это для своих снов! Будьте мужчиной, Роберт!»

Он не оборачивается и ползёт, пока не теряет сознание.

Приходит в себя уже в собственной квартире. Вскрикивает, будто током ударенный, мечется по комнатам, но нигде ничего не обнаруживает. И жены в том числе. Она пропала, исчезла без следа и никакая полиция, и никакие частные детективы не могут найти её. Он принял бы всё за сон, если бы не странная розовая бумажка в кармане.

И, к тому же, с тех пор многое переменялось.

Он начал видеть людей, которых никто больше не видел. Они обычно ничем не отличались от всех остальных, но по дороге шли зигзагами, иначе пешеходы просто бы врезались в них. Роберт замечал, что некоторые здания в округе не всегда там, где должны были быть. Некоторые из них менялись местами, другие исчезали и больше не появлялись. Иногда возникали совершенно новые дома, целые небоскрёбы.

Он боялся, что сходит с ума, но не обращался за помощью. Не мог себе представить как молодой серьёзный врач, протягивает ему рентгенофотоснимки и говорит с будничным сочувствием: «Опухоль мозга. Неоперабельна. Мне очень жаль». В некотором роде это даже забавляло его. Такие галлюцинации, вы понимаете, о чём я? Роберт следил как мир вокруг него изменяется всё больше и больше, различные предметы становятся всё разумнее и разумнее. Вещи у него дома жили какой-то собственной жизнью, располагались так как им вздумалось вне зависимости от того, как он их укладывал. Часто его одежда «переползала» из шкафа на стул, пока он не понял, что там её любимое место. Несколько раз, не обращая внимания на внутренний голос, шептавший о развивающейся паранойи, он пытался застукать свои вещи за передислокацией, но каждый раз они дожидались когда он заснёт. Хуже всего было с едой, которую холодильник постоянно пожирал. Роберт перестал класть еду в холодильник, и на следующее

утро обнаружил дверцу шкафчика, где хранились консервы, взломанной. Холодильник же оказался в коридоре. Одну из банок он всё ещё любовно сжимал дверцей.

На следующее утро Роберт нашёл холодильник уже в подъезде. Открыв его, обнаружил останки какого-то живого существа.

Собаки, как предположил Роберт.

Он очень надеялся, что это была собака.

Холодильник отправился на переплавку, но у экс-счастливчика не было никакой уверенности, что тот не сбежал. Может, орудует и сейчас на какой-нибудь свалке.

По началу следить за тайной жизнью вещей было даже интересно.

Так, стиральные машины в прачечной ночью выбирались на баскетбольную площадку и собирались в круг. Так и коротали время до рассвета. Диваны любили охотиться на ковры. Деревьям надоедало стоять в парке, и они разгуливали по городу. Однажды Роберт видел как на небе большое облако собирало маленькие облачка в стадо, а потом гнало куда-то за горизонт.

О, это было очень забавно.

Вслед за тем он стал замечать, что не только предметы, объекты и некоторые живые существа ведут себя странно, но и их тени. Причём казалось, что сущности своих теней почему-то боятся. Тени иногда ползали сами по себе, иногда вырастали до гигантских размеров. Бывало, исчезали.

Тень Роберта первое время вела себя терпимо. Ползала по своим делам, иногда приставала к пуфикам, и тогда пуфик отбрасывал тень человека, дрожал и пытался выбраться на светлое место. Впервые Роберт заметил это через год, после исчезновения жены. Ещё через полгода сущности перестали его бояться и деловито ползали совсем не стесняясь человека, который уже давно понял, что безумен и лишь смаковал своё безумие, да изредка документировал. Но затем тень Роберта вернулась к нему и не отставала, будто шпионила. Конечно, она не всегда сохраняла свою привычную форму – иногда это была тень птицы, иногда облака, а один раз, Роберт мог поклясться в этом любому психиатру, тень Эйфелевой башни. Единственное, что не хотела изменять тень – свой контакт с Робертом Лэнгдоном.

На второй год его вынужденного безумия тень впервые попыталась убить его.

Он сидел в кресле, которое всё норовило уйти в ванну, читал книгу с шаловливо снующими между страницами буквами и полностью наслаждался типично холостяцким вечером, пока в следующую секунду не полетел в бездонную пропасть. Лишь чудом уцепился за ножку кресла. Собственная тень поглощала его.

И куда-то ползла.

Отрывала руки от кресла.

Роберт напрягся, но сил не хватало, он чувствовал, как из потных рук выскользает ножка. Неожиданно кресло ожило и задёргалось из стороны в

сторону, вытаскивая Роберта наружу. Немного сжалось и прыгнуло на стену, где вокруг него тут же сгруппировались репродукции Мане. Что-то ещё схватило его и потащило вверх. Через мгновение он уже бежал по комнате к выключателю, а его тень скользила вслед. Вспыхнул свет, и тень исчезла.

С тех пор его жизнь превратилась в ад, но он проникся большей симпатией к вещам. В конце концов, они спасли его.

Только тени никак не хотели оставить в покое Роберта. Они преследовали его повсюду, караулили, выжидали.

Несколько лет он сопротивлялся как мог. Но даже его разум, воспитанный электрическими дубинками, голодом и вечной ненавистью к мечтам, даже его богатый полный воображения разум не мог так существовать. Всегда на свету или в абсолютной темноте. Всегда на страже. Всегда готовый сойти с ума в любой момент.

Так он дошёл до автострады Топика-Канзас.

Теперь вы понимаете, почему я убил себя?

#

Если бы я знал, что смерть в мире, где каждый предмет живой, это вовсе не смерть, я бы с радостью отправился в психушку. Но тогда, летя к земле на скорости более девяносто миль в час, я улыбался. И погиб почти мгновенно, вылетев по частям через ветровое стекло.

И уже через секунду стоял посреди дороги вымершего городка, который больше напоминал декорации для съёмки вестерна. Я как-то сразу понял, что попал в параллельный мир. Когда не пристегнутый врезаешься на машине в землю и через секунду вновь стоишь живой, сразу понимаешь – вот он, объект пересудов бульварной прессы. Только мой параллельный мир оказался совсем не таким приятным местом, как можно было представить. Большой плюс – здесь тени не опасны (если не считать Тень), а так всё то же самое.

Живые вещи. Странные люди. Безумные мысли.

Но с каждым днём нас становится всё меньше и меньше. Люди и вещи исчезают. По одиночке и целыми семьями. Пропадают без вести и на глазах у всех. Вчера на главной улице Мидделнайт – городка, где я сейчас нахожусь, – исчезло практически всё взрослое население, о чём поведали дети, скидывая мой последний обед. Теперь в городе только дети, беззубые старики, бродячие собаки и я. На собрание меня не пустили. Сказали, негоже узнику, приговорённому к каннибализму, выходить в город в разгар дня. Ха-ха. Вот уж умники. Вот и поплатились за свои жалкие умишки.

Светает, чёрт, а я так и не успел сказать самого главного.

Я сотни лет, быть может, тысячи скитался по этому миру и познавал Истину. В Городе Мёртвых нашёл я магический шар и увидел многое из того, что вам рассказал и ещё больше из того, что не осмелился бы поведать никому. За этот шар мне пришлось дорого поплатиться. Жители горного городка

Мидделнайта, одичавшие потомки древней расы, ненавидящие магию, признали во мне Потустороннего, который скитается по мирам с волшебными шарами и наводит мор и наваждение и сладостные грёзы, за которыми скрываются боль, ненависть и страх. Они бросили меня в глубокие шахты, где ещё бродят призраки Древних и ещё живы машины, созданные их безумным гением. Каннибализм – таково моё наказание.

Здесь, внизу было много таких как я.

Только слабее.

И вы понимаете, что мне пришлось очень постараться, чтобы донести до вас это послание.

Хотя, ха-ха, есть ещё один плюс – я нашёл свою жену. Она попала во власть Холодной Машины и как местные не долбили лёд, добраться до аппетитного мяса так и не смогли.

Слушайте, слушайте, все, кто меня слышит!

Я – Роберт Лэнгдон, исчезнувший 6 февраля 1976 года, Потусторонний, как меня называют во всех Великих Мирах, где проложены лучи, и дороги к Башне не сокрыты мороком. В это место, Срединный Мир, приходят все, кто смог приоткрыть завесу рациональности, все те, кто видят звёзды на пустом небосводе. Даже днём.

Ибо наш мир не единственный, и каждая сущность во вселенной обладает собственным миром и сонмы миров сходятся в единой точке называемой Башей. Башня эта – Единственный Оплот магии в мире. И пока живы те, кто не смотря ни на что ищут загадку, ищут Её, будет стоять этот мир и тысячи тысяч других миров. Башня, великая Башня держится только верой.

Но силы зла, которые не могут допустить, чтобы Башню искали, чтобы вновь до неё дошли верные сердца, не ведающие страха и поднялись по бесконечным ступеням до самого верха и прославили имена погибших товарищей, жестокие безумные силы накрыли чёрной тенью все подвластные им миры и сокрыли таинственное. Спрятали непознанное. Они похищают магическое, убивают Веру и заменяют её Знанием. Тень Башни покрывает вселенную и останется лишь голая серость рациональных миров – исчезнет всё волшебство и чары развеются. Тень пожирает, Тень вырастает с рассветом и в неё проваливаются миры.

Нужно всего лишь верить.

В Зубную Фею.

В Буку.

В существ, пожирающих время.

В холодильник, ворующий еду.

В собственное воображение.

И конечно же в Башню.

Здесь, посреди вечных механизмов и безумцев, моя вера пошатнулась, но я достаточно Иной, чтобы с рассветом встретить лучи солнца, которые вопреки всем законам проникнут в самую глубокую штольню, кинутся на ядерный

передатчик, отразятся от его нержавеющей поверхности и бросятся в меня, чтобы выбить на земле чёрный контур Тени.

Я за триллиарды миль от Земли и вы все умрёте, пока сигнал долетит до вас.
Я больше не в силах верить.

Даниил Божин aka Деймос Стренталл.
Очень длинная ночь (о, чары) 14 октября 2005 года.
Альтаир-4.

Послесловие автора.

Историю, которую вы только что прочли, я задумывал как роман. То есть когда я сел в два часа ночи и напечатал заглавие, то понял, что следующий раз увижу солнце очень не скоро, страниц, наверное, через пятьсот. Но форматы конкурса и мои литературные способности в купе с отсутствием свободного времени похоронили эту идею. Последующие семь часов я занимался жестоким насилием текста, пытаюсь уместить мысли в 10-15 страниц. Сравнить себя со Стивеном Кингом было бы даже не смешно, но мне было приятно думать, что он занимался практически тем же самым со своим «Мой милый пони».

Не сомневаюсь, что после прочтению у вас остались вопросы, отвечая на которые мне бы пришлось напечатать всё те же пятьсот страниц, поэтому, если что не стесняйтесь, задавайте. Есть такие Клубы, где принято рассказывать интересные истории.

P.S. А знаете, оно ведь всё ещё капает...